№ 24
ИЮНЬ 1928 г. ШЕСТОЙ ГОД ИЗДАНИЯ ЦЕНА 15 КОП.

СМЕХАЧ

Рис. М. Черемных

НА ШАХТИНСКОМ ПРОЦЕССЕ

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО...

...ТЕХНИКИ

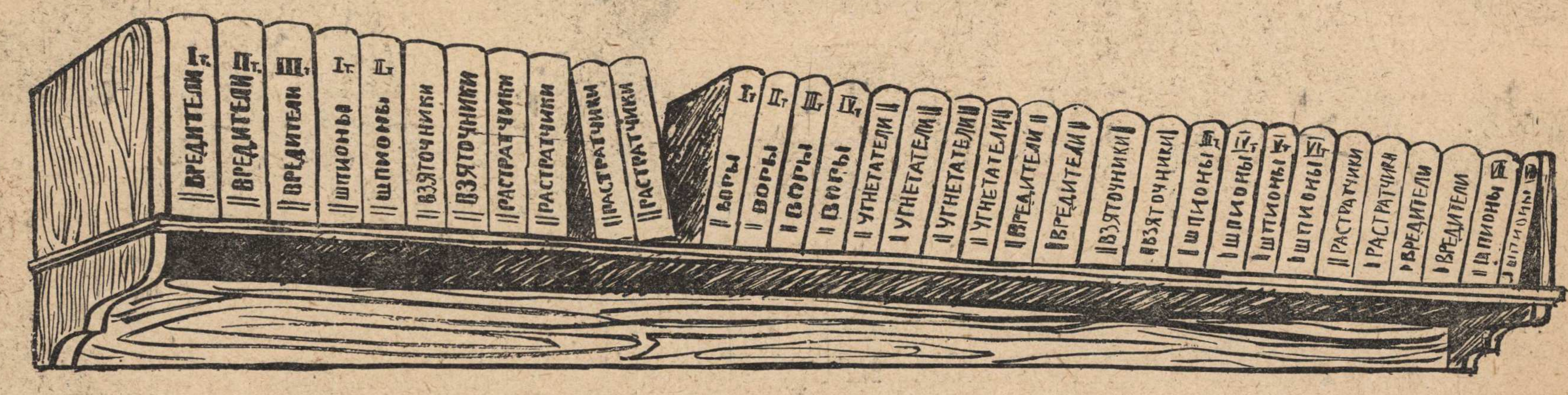
(контрреволюционной)

Рис Н. Денисовского

НОВИНКИ КНИЖНОГО РЫНКА

Следственный материал по делу шахтинских контр-революционеров занимал около 60 томов.

Популярная библиотека российской контрреволюции.

В ВОЛОСТИ

Довгач Афанасий!

— Туточки.

Председатель ставит большой, кривой крест в списке свидетелей и вытирает клетчатым платком покрытый испариной, крутой лоб. У него болят зубы, и за щекой лежат во рту корешки шалфея в тряпочке. Он устал, измучен и раздражен тупой и ноющей этой болью, и с тоской поглядывает на груды пыльных папок на табуретках и на столе. Истцы и обвиняемые поражают его упорством, с каким они годами готовы судиться, мучая и разоряя друг друга из за вытоптанной грядки в огороде; свидетели, точно сговорившись, показывают совсем не то, что им нужно бы показать, и каждое показание начинают с историй и происшествий, заведомо построенных и имевших место в очаковские времена. Понять их трудно; вдобавок, они не говорят, а кричат, как это принято в деревне в разговорах с начальством по официальным делам. Судья морщится от крика и от едкого махорочного дыма, которым пропитан воздух в комнате, он трет виски, жует шалфей и языком перекладывает его во рту со стороны на сторону.

— Станьте сюды, Довгач, и кажить суду усе, що вам известно по делу.

— По якому само?

Довгач на цыпочках подходит к столу и снимает шапку. Вид у него деловой и озабоченный; можно подумать, что он действительно занят в десяти делах одновременно, и боится спутать, и не уверен, по какому из этих десяти дел нужно сейчас показывать. В действительности ему прекрасно известно, конечно, зачем его вызвали, и что именно он будет говорить, но он считает необходимым соблюдать порядок и формальности в казенных делах.

— По тому делу — говорит судья, морщась и перекладывая во рту корешки с левой щеки на правую,— по тому делу, як порося потравило капусту у Домки Гайдай. Знаете вы що про той инцидент?

— А як же!

— Ну, так кажить.

Афанасий Довгач кашляет, он сморкается томительно долго, вынув тряпочку из кармана парадных плисовых штанов, и оправляет рубаху и смазанные маслом волосы на голове; потом он начинает громко, отступив на шаг и заложив почему то шапку за кушак:

— Дак от на Макавея, як стали Емельку Гайдая коло лавки бить, сам я на пруду был, карася стерег. От же я чую, що кого-сь бьють, и люди сбегаються. Ну те, питае, бьють, и за що ж то люди деруться? Я кажу — того вони деруться, що каждому своей смерти ждать прискучило. Ну те, побили Емельку, що сь в нем, знаете, клекнуло, упав человек, и немае духу. Лежить на травке и каже: — „Православные, хотя сердце перекрестить оставьте"...

— Довгач Афанасий! — потирая лоб и висок, говорит судья:—що сь вы не то рассказываете, волостной суд вас не понимаеть. Расскажить про то порося, як воно капусту травило...

— Ну те, я ж про его и кажу. Дак от, як Емельку кривого забили, то Домка не при чем осталась, сама шестая с сыночками, прямо таки жалько. Ей бы, например, до бога побежать, а до бога, конечно, не пускають...

— Чому ж? — заинтересовавшись вдруг, спрашивает заседатель справа, степенный и молчаливый мужик в стеганном ватном жилете: — чему ж ее не пускають?

— Да бачите ж, як баба родила, то ей сорок дней до церкви ходить не можно, про это даже в Виктория сказано. Дак она, бедняжечка, сама тогда на сносях была, як Емельяну муку зробили. Ну те, до бога ее не пустили, вона села на паперти у цвинторе, и квохче, и квохче, сердце соби мучаеть. Як стали с кружкой ходить, то я кинув пуговку и кажу дьячку: „Дьяче, кажу, чи не бередить вас тая баба, що вона так надрываеться?"...

— Погуляйте, Довгач! — говорит опять заседатель справа и изумленно вытягивает длинную, жилистую шею:—погуляйте, на що ж вы пуговку у кружку кинули?

— А на боже.

— Дак це ж не гроши, вона не годиться?!

— А хто ж знае, що то именно Довгач кинув?

На скамьях смеются. Бабы принесли и лущат в задних рядах каленые белые семячки, и шелуха трещит все время у них на зубах и под ногами. С улицы слышно, как скрипят „журавли" на колодцах и набивают обод на колесо в кузнице.

— Що вы мамоните, Довгач, яка там пуговка? — раздраженно говорит председатель: — кажить про порося, вас же просють...

С минуту Довгач молчит, моргая глазами, и опять начинает кашлять, сморкаться и разглаживать волосы на голове.

— Ну те, що ж про порося?—говорит он, наконец, с видимой неохотой, как о предмете третьестепенном и явно не имеющем отношения к делу:— у четверг на пятницю, щоб не соврать, як овечек гнали, чую я, хто сь на огороди мучаеться. Може, думаю, цыгана поймали у коней, чи нищеньку собаки деруть,—и побежав. Аж дивлюсь, Домка под грушею стоить, и капуста их порыта до тютельки, и она убиваеться вжасно, даже головку схилила: „А деточки ж мои несчастные, а с чего ж вам борщ теперь толочь, як вас пятеро, а какие ж это суседи — злодеи, що им руки не отсохли?!" Я, конечно, кажу — Домка, кажу, не в суседях причина, не они вам деточек принесли, а кривой Емелька: як кажуть, ваша свадьба, ваша и музыка...

— Що за свадьба?— говорит председатель возмущенно и воздымает худые плечи и хлопает, подняв тучу пыли, ладонью по столу:—що за музыка? Добрый вечер, Довгач Афанаси! Чи ви смеетесь з волостного суда, чи я не знаю вже що... Вам про порося кажуть, а вы про свадьбу!.. От Домка заявляе, що то Павла Хворостяного бую порося. Чи бачили вы то порося?

— Бачив, як щось побегло...

— Так може то собака була?

— А може и так: ночью, як кажуть, все кошки серые...

— Сядайте!

Довгач идет к своему месту на скамье, ступая твердо и прямо, как солдат в строю, глядя перед собой.

— Звиняйте, Довгач! — кричит вдруг, засуетившись озабоченно, точно он вспомнил что то очень важное, заседатель справа:—звиняйте, вы з села Панцюкивки будете?

— Эге ж!

— А там в вас Гарпину Вернигору знаете?

— Ну, а як же не знаю, когда вона сусидка.

— Дак того... Скажить, як побачите, що народный заседатель Петровець ей кланявся...

Председатель морщится, жует и перекладывает шалфей и, выкликнув следующую фамилию, ставит новый огромный крест в книге...

А. Зорич

СПОСОБ КОРДИЛЬЕРСКОГО

Я встретил Кордильерского у Персиковых. Невысокого роста, в роговых очках, он сидел в углу дивана и перелистывал какой-то иллюстрированный журнал.

— Завтра воскресенье,— сказала хозяйка,— давайте условимся пойти на озеро, еще попросим Губановых, Моисеевых.

— Идея! Хорошо,— согласились все.— Заранее лодочки закажем!

И тогда я услышал первый раз голос Кордильерского. Он говорил спокойно и чуть-чуть откашливаясь:

— Вы с ума сошли! Вы знаете, что на озере ничего не стоит утонуть. Это в лучшем случае, что и подтверждает статистика — 50% смертности. Вот нас здесь 8 человек, значит, четверо из нас тю-тю.

Хозяева и гости неприятно вздрогнули. Кордильерский продолжал:

— Но еще хорошо, когда смерть наступает моментально но если вы, милые мои, захлебнетесь, да еще запутаетесь в тине... Вот на прошлой неделе Грошиков, несмотря на все мои предупреждения, все-таки пошел на озеро...

— Ну и что-ж?—спросили мы.

— Ничего особенного, только что привезли его оттуда мертвенького, а ведь я ему, подлецу, говорил...

Хозяин Персиков сказал категорически:

— Не зачем ходить завтра на озеро, можно и без озера обойтись...

— К чорту,— сказали мы все хором.—Что нам жизнь надоела?

— А что я вам доложу, товарищи,—неожиданно сказал Морковных,— мне сегодня подарили котенка, так это—восторг. Дымчатый! Сибирский! Веселый — все прыгает. Царапается. Замечательная киса! Вот как он меня исцарапал! — и Морковных показал свою руку, покрытую тоненькими шрамами.

Кордильерский подошел, посмотрел на руку Морковных и сказал:

— Прижгите сейчас же иодом и бегите сейчас же к врачу. Очень возможно, что животное бешеное.

Жена Морковных подскочила к телефону и взволнованно горорила:

— Нюша! Это я — Мария Аристарховна. Да. Выброси сейчас же котенка, чтоб к нашему приходу его не было. Чорт с ним! Нечего жалеть, а то он нас всех перегрызет...

Морковных мазал руку иодом. Разговор не клеился. На Кордильерского смотрели с уважением и ненавистью...

Я вместе с ним уходил о Персиковых.

— Слушайте,— сказал я ему по дороге,—зачем вы носите кашне?

— А что?

— А то, что установлено статистикой, что 65% смертности от кашне, так как нити врезываются в шею и дальше распространяются по всему телу.

Кордильерский захохотал.

— Это вы хорошо придумали!— и, хлопнув меня по плечу, сказал: Пойдемте сейчас мимо дома Морковных, захватим там выброшенного котенка и айда ко мне.

Пищащего котенка он положил в карман, и вскоре мы пришли к нему в комнату.

— Вот,—сказал он,—зеленый попугай, достался бесплатно от Игрушкиных. Я их уверил, что попугаи разносят бактерии скарлатины и что 90% детей заражаются именно от них этой ужасной болезнью... Вот немецкая овчарка. Альма, иди сюда! Умница, на сахар... Ее я получил от Фальцетовых, они теперь убеждены, что немецкие овчарки в любую ночь могут задушить своих хозяев... А вот это японская шкатулка... Да долго обо всем рассказывать,—перебил он сам себя.—Давайте завтра встретимся с вами на озере, а после зайдем ко мне, и я вам еще массу вещей покажу. Я люблю животных и разные штучки, а приобретать все это, к сожалению, очень дорого.

— А какой смысл вам было про озеро говорить?— полюбопытствовал я.

— Завтра воскресенье, и там будет много народу, а я не люблю, когда на озере ярмарка.

Б. Левин

КЛЯТВА НА МОГИЛЕ

Рис. Б. Ефимова

В Австрии умер попугай 180-ти лет, принадлежавший императору Наполеону.

— Спи спокойно, дорогой учитель! Твои заветы и навыки будут вечно жить среди нас...

НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ

(Такая пародия на этакие стихи)

Раньше
уважали
исключительно
гениев.
Уму
от массы
какой барыш?
Скажем,
такой
Иван Тургенев
приезжает
в этакий Париж...

В. Маяковский

Скажем, такой
Достоевский Федор
Приезжает в этакую
Тверь.
Раз приложен к „Ниве“,—
значит, весел и
бодр
И начинает творить,
как зверь.

Пишет разные
„Преступления и наказания“,
„Идиотов“ и другую
ерунду.
И знает такой Достоевский
заранее,
Что этакие брошюрки
ходко пойдут.

Или вот такой
Лермонтов Миша
Приезжает на
этакий Кавказ,
О каком-нибудь фактике
случайно услышав,
Начинает писать стишки
на заказ.

А когда теперь этакий гений
Приезжает с шумом
в этакую Москву,
Приносит в редакцию
пуд стихотворений,
Сейчас же весовщика
туда зовут:

Пять фунтов строчек,
Десять фунтов точек,
Пятнадцать фунтов
знаков восклицания
И четыре золотника содержания.

Граждане — много ли?
А вы говорите: Пушкины,
Гоголи...
Берет читатель
газету в руки
И видит стихи
в размер простыни;
Ну, конечно, кладет на них
серые брюки
И велит
домашней работнице:
—Заверни!

А потом, когда такой
деми-Тургенев
Едет на гонорар
отдыхать
в этакий Париж,
Все время ворчит:
— Раньше уважали гениев,
А теперь от массы
какой барыш?

Егор Спинова

ПРАВЛЕНСКИЕ ПЕРЛЫ

(Из коллекции документов)

Что такое правление железной дороги, мы всем непосвященным читателям об'ясним:

Это, обычно, огромный дом с отдельными кабинетами, в которых на солидной мебели сидят солидные же люди, при чем каждый из них ведает какой-либо важной хозяйственной отраслью, укрепляя по мере сил (и спецставки) мощь транспорта.

Короче, правление дороги —это деловой муравейник, в котором сосредоточено все управление линией.

Ясно, точно и понятно.

Зато совершенно непонятно, почему большинство нелепых анекдотов и смешных случаев связано именно с правлениями наших дорог.

А что это факт — тому ниже примеры:

Дело в шляпе

В один день, в один час, по всей линии Закавказских дорог прекратилась вся служебная телеграфная передача.

Отправления, сообщения о грузах, о пропуске срочных маршрутов,— словом, тьма деловых и частных депеш замерла, уступив провода и ленты депеше—сопернице. И в грозной тишине, через станции Сочи — Туапсе — Армавир — Ростов — Минер. Воды — Грозный — Петровск — Баку — Тифлис, — по горам и долам, пронеслась молнией „особо важнейшая, срочная и ударная" телеграмма по литере Б (вне очереди, вперед служебных депеш):

> Начальнику станции Тифлис.
>
> Первым скорым отправьте с надежным проводником Москву для передачи в НКПС товарищу Чиркину*) его шляпу, забытую им в вагоне № 4.
>
> Подписано *УПД Иванов.*

Телеграмма промчалась, и снова по будничному защелкали освобожденные от забот о высокой шляпе скромные Морзе и Юзы.

О дальнейшем путешествии покинутой шляпы, о почтенной ее наружности и о том, как везли ее срочно в Москву, к сожалению, мало известно.

Как и о том, что же это была за редкая шляпа, из-за которой не только гоняли проводника в Москву, но даже остановили всю телеграфную переписку на целой дороге.

И какую-же замечательную конечность должна прикрывать эта самая шляпа!..

*) Представителю НКПС в Германии, забывшему шляпу не там, а в Сочи.

Изнеженный Алатырь

Если в первом случае действовал сам председатель правления, то вот в этом принимало горячее участие все правление Московско-Казанской дороги, так сказать, скопом, хотя кто именно из правленцев обсуждал спешную бумажку начальника станции Алатырь, мы не знаем.

А растерянный начальник, в панике, в холодном поту, запрашивал:

— Как ему быть с подушками для станционных грузчиков? — выдавать ли их натурой, или компенсацию деньгами?

Потрясенное правление от души негодовало.

— По-душ-ки! Подумайте только. До чего мы дошли! Грузчикам полушки? А перин им не надо? А простынь с под'одеяльниками они не желают? Разложился наш Алатырь! Скоро спальные комбине сторожихам и стрелочникам потребуются.

И, рассвирепев, шарахнуло грозный ответ:

— Никаких разложений! Подушек не выдавать, так как о них в железнодорожных приказах нигде не говорится. Точка.

* * *

Отчасти правление было право: — о подушках и прочих постельных нежностях в приказах не упомянуто.

Но зато в колдоговоре, заключенном дорогой с грузчиками, ясно сказано: подушки грузчикам положены.

А Наркомтруд солидно подтвердил:

— Действительно. Для работы. Наспинные.

А, значит, для сна непригодные.

Очковый ужас

С очковой змеей эта третья история ничего общего не имеет. С роговыми очками тоже. Тем не менее, в совершенно ужасное положение попали все правления наших дорог и именно из-за очков.

Сидят сейчас тысячи серьезных людей и, сжав пальцами виски, мучительно думают:

— Как им быть?

А перед ними лежат копии строгого циркуляра НКПС, в котором он высоким стилем убеждает их всячески избегать излишнего расхода воды.

НКПС умоляет немедленно сообщить „сколько именно и на что расходуется вода на станциях и раз'ездах всех 26 дорог".

Сколько в день, в час, в минуту и в терцию уходит воды на один паровоз, после долгих и тяжких трудов можно вычислить.

Но как, скажите нам, какой арифметикой, какой алгеброй вычислить:

— Сколько тратится в день воды на каждое очко в многочисленных... станционных уборных?

Таксометра к такому очку не приткнешь, особых счетчиков к забежавшему „а ля фуршет" клиенту наскоро не приспособишь, а поставить своих наблюдателей около как-то неудобно, да и штатов не хватит.

Вот и сидят сейчас люди и, вероятно, думают:

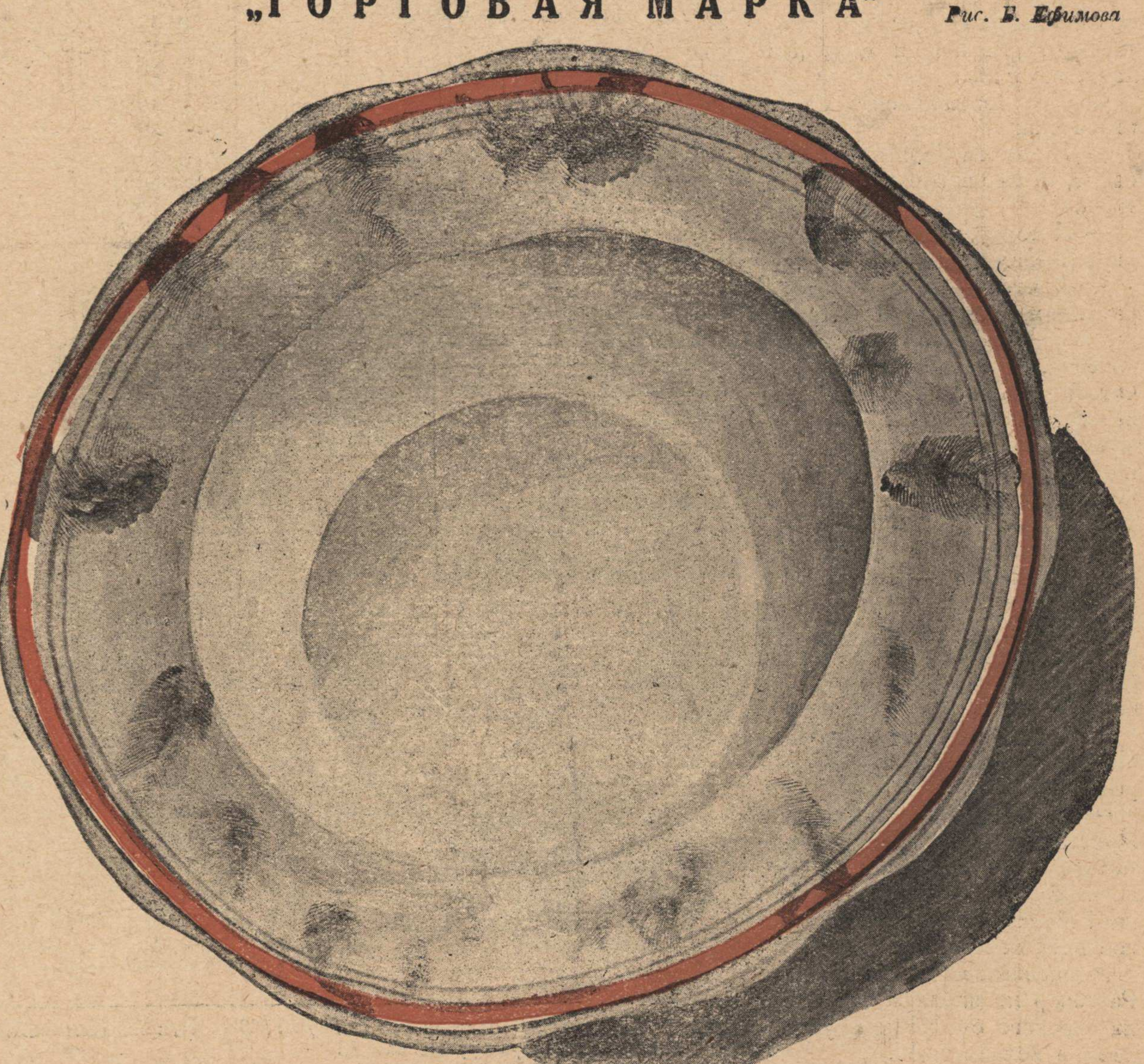
— Ну, что ж, ежели НКПС без „очков" рассмотреть и определить расход воды никак не может,— пусть же сам он в эти „очки" и смотрит...

Анекдоты собрал и документы к коллекции пришпилил

Леонид Саянский

„ТОРГОВАЯ МАРКА"

Рис. Б. Ефимова

— Жалко, что эта тарелка из нарпитовской столовой: такой бы тарелке в угрозыске цены не было — посмотрите, сколько дактиласкопических оттисков!

ДЕВЯТЫЙ ЗУБ

Зубной врач привел в порядок инструменты, приоткрыл дверь и привычно возгласил:

— Следующий!

Супцов из почтительности несколько боком вдвинулся в кабинет; по знаку врача, присел на уголок удобного и страшного кресла.

— Полощите, — не глядя, сказал врач и стал полоскать руки.

Супцов, глотнув из стакана, послушно забулькал и захрипел. Врач надвинулся вплотную, вооруженный какой-то блестящей палочкой и, раскрыв Супцову рот, ударил палочкой по первому приглянувшемуся зубу.

— Больно?

— У-у!.. — простонал Супцов.

— Я так и думал. Полощите!

Супцов послушался.

— Откройте рот. Так, полощите. У вас много зубов не хватает. Где вы их потеряли? Полощите.

— Бл, бл, бл, бл... кххх... кхх... Которые зубы проел... А вчера четыре штуки в пивной обронил. Знаете, привязался один тип, что, будто, я его ударил в лицо... Ну, и вот... Нельзя ли теперь вставные — разом на все?

— Ммм... К сожалению, не смогу. Полощите! Застрахованным по страхкассе вставляем, если не хватает девяти зубов и больше*). Это — из-за перегрузки амбулаторий. А у вас недостает только восьми. Полощите.

— Господи! Доктор! Неужто из-за одного зуба разойдемся?.. Бл, бл, бл... кхх... Волокита же!

— Представьте, не могу. Жесткая инструкция. Полощите! Подлечить — подлечу, а протез не имею права...

— Может, тогда сами вырвете лишний зубок, доктор? — не унимался Супцов, — чтобы без волокиты, а?..

— Полощите! Не могу, никак не могу...

* * *

Как же теперь избавиться от девятого? — думал Супцов, уже подходя к дому, — кого бы попросить, чтобы выбил?..

— Товарищу Супцову — с кисточкой! — послышалось в этот момент: к герою нашему приближался его знакомый, некто Пал Палыч — человек добродушный и крепкий.

Супцов обеими руками еще издалека ухватился за знакомого.

— Пал Палыч! — с дрожью в голосе сказал он, — родной, знакомый! У меня к вам просьба. Уважьте!

— Чем именно?

— Выбейте мне один зуб! Мне даже все равно, какой...

— Тю на вас! — ужаснулся добродушный Пал Палыч.

Но Супцов не отставал:

— Я вас прошу! Умоляю!.. Пал Палыч! Ну, выбейте мне зуб! Ну, хотите, я сейчас перед вами на колени стану... Ну, вот я и на коленях... Выбейте зуб! Я вам руку поцелую, Пал Палыч, только выбейте... Куда же вы, Пал Палыч?!

Пораженный и даже напуганный, Пал Палыч уходил быстрым шагом.

— Пал Палыч! Умоляю, выбейте! Пал... Пал... Пал-Пал...

Супцов, как был — на коленях, — прополз вслед Пал Палычу.

* * *

Слегка успокоившись, уже на улице, Супцов пришел к такому плану: он должен подойти к прохожему, внешний вид которого гарантирует более или менее решительное удаление зуба, и наступить такому прохожему на ногу. После того, как прохожий признает обидчика, надо будет поближе подсунуть назначенное к операции место, то-есть лицо, и все будет сделано.

Через три минуты поисков Супцов обрел подходящего прохожего: он стоял у остановки трамвая и читал газету. Супцов осторожно приблизился и изо всех сил ударил каблуком по ступне прохожего.

Прохожий взвыл. Он обеими руками схватился за пораженное место и, баюкая его, пытался утешить боль. Супцов же терпеливо ждал, когда прохожий наберется сил для мести. Наконец, эта минута приспела. Прохожий опустил ногу, огляделся и, хромая, подошел к Супцову.

Герой зажмурил глаза и вытянул вперед голову. Но... прохожий поднял свою здоровую ступню и в свою очередь наступил на ногу Супцову.

Выть и шипеть пришлось теперь Супцову. Прыгая на одной ноге, герой удалился.

* * *

Едва получив возможность передвигаться с помощью обеих конечностей, Супцов стал рассуждать так:

— Ну, ладно! Раз эти хамы не понимают, как должен мстить за оскорбление порядочный человек, будем действовать поиному. Прямо подойду вот и дам в морду... хоть вот этому здоровому толстому...

И Супцов, действительно, подошел и отпустил посильную оплеуху высокому, толстому человеку, который шел навстречу.

— Вот тебе! — сказал он при этом, чтобы озлобиться. — С'ел?

Высокий и толстый человек схватился за щеку и заплакал от обиды. Эти слезы вызвали у Супцова угрызения совести. Он вспомнил обиженного Васю, невинно - пострадавшего прохожего, Пал Палыча, который теперь, наверное, будет обходить его шагов на двадцать... Супцов решил оставить свой трудновыполнимый план и немедленно извиниться перед плачущим толстяком.

Подойдя к толстяку, он начал:

— Простите меня, гражданин, я...

Но тут толстяк, все еще всхлипывая от плача, ударил Супцова прямо в нижнюю челюсть. В глазах нашего героя замелькали традиционные искры, во рту стало солоновато и языком он нащупал там два кусочка чего-то твердого...

* * *

На другой день, садясь в удобное и страшное кресло, Супцов весело обратился к зубному врачу:

— Теперь готовьте мне вставную челюсть. Теперь уже десяти зубов не хватает! Так сказать, — с походом! И без волокиты... бл, бл, бл, бл...

— Что же, приготовим, — сказал врач, — полощите!

В. Ардов

*) Фактическое положение страхкассы.

УРОК САМОКРИТИКИ

Рис. Б. Ефимова

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (на заседании профсоюзного актива): **— Критикуя, товарищи, не забудьте смотреть в самый корень. Только, пожалуйста, не смотрите выше!**

ЭКСКУРСАНТЫ

Рис. А. Радакова

Крым и Кавказ из'езжены вдоль и поперек.

— Вот здесь была гора Бештау.

— А где же она теперь?

— Должно быть, экскурсанты подметками стерли.

БЮРО ОБСЛУЖИВАНИЯ „СМЕХАЧА"

НАС НЕ СПРАШИВАЮТ!!!

В то время, как из провинции нас заваливают тысячами вопросов, в самой Москве нас не спрашивают: зачем надо было организовывать смехотворную „Олимпиаду поэтов", почему многие из пишущих стали почесываться после статьи М. Горького „О пользе грамотности", почему к лету готовится эстрадный репертуар о теще и дачных гостях и т. д. Спрашивайте! БОСу на многое хочется ответить!

РАЗ'ЯСНЕНИЕ

О-во собаководства (друг собаки) запросило на-днях БОС:

— Удобно-ли давать собаке кличку: „Самокритика"?

Отвечаем без всякой волокиты от имени нашего соб-кора:

— Если собачка кусается, то удобно. Если-же только виляет хвостом, то неудобно.

О РАДИО-УСТАНОВКАХ

Жалуются многие клубы:

— Вот поставили мы у себя громкоговорители, а им хоть-бы хны. Молчат, да и только. БОС, как это называется, когда громкоговорители, за которые заплачено наличными, молчат?

— Это называется, милые, вопиющим фактом.

ПИСЬМО ПРОТЕСТ

Мы — дворники, поливающие улицы свежей водой, крайне возмущены тем, что нас обвиняют, будто-бы мы работаем спустя рукава. Наоборот, работая спустя рукава, мы никогда не смогли-бы так аккуратно обрызгать прохожих, как это мы делаем сейчас, подняв рукава выше довоенного уровня.

НЕКУЛЬТУРНЫЕ МЫСЛИ

— „Состязания в боксе" названы так необдуманно: следовало бы — „Истязания в боксе".

РОМАНС

(Слово для музыки)

Забыв о службе и семье,
Надежд затеплив свечи,
Они сидели на скамье
В весенний тихий вечер.

Дышала пыльная сирень,
Закатом разодета.
И в тибетейках на бекрень
Цветы качались где-то.

Из полутьмы ткал вечер бязь,
Роняя свет случайный,
И не была меж ними связь
Лишь им известной тайной.

Но почему же в них весна
Не будит слов любимых?

Он и она
Сидели на...
Скамье для подсудимых.

Анна Арбузова

„КОНЦОВКИ" ДЛЯ ПИСЕМ

Окончания писем обыкновенно бывают очень шаблонные: „Остаюсь ваш покорный слуга", „Жму руку" и т. д. „Бос" дает тут несколько более подходящих „концовок" для лиц разных занятий и профессий.

От радиолюбителя

„Остаюсь Ваш на короткой волне И. Петров".

От „фокстротиста"

„Душой и телом с тобой, нога в ногу идти жаждущий"...

От кушающего мороженое

„Ну, прощай! Если буду жив, то увидимся. Твой безумец Н. Яшин".

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭНЕРГИИ ПОРОГОВ

Практика Днепростроя указывает на возможность использования кроме днепровских порогов и учрежденские. Энергию, которую тратят тысячи посетителей на обивание учрежденских порогов, можно вполне рационально употребить для небольшой станции.

СТАТЕЙНОЕ

Гагры — Гусеву. Статью изменить может только редактор. Судья же может лишь применить статью.

ИЩУ НЯНЬКУ,

которая бы меня уронила. Необходимо, так как в будущем очень хочу писать критические статьи без подготовки. Москва — до востребования.

ИСКУССТВО РАЗДЕВАТЬСЯ

демонстрируется в пьесах „Когда поют петухи" и „Черный амулет".

ЛЕЧУ

с трамвайной подножки в об'ятия милиционера.

И ТАК, И ЭТАК...

Рис. Н. Денисовского

I

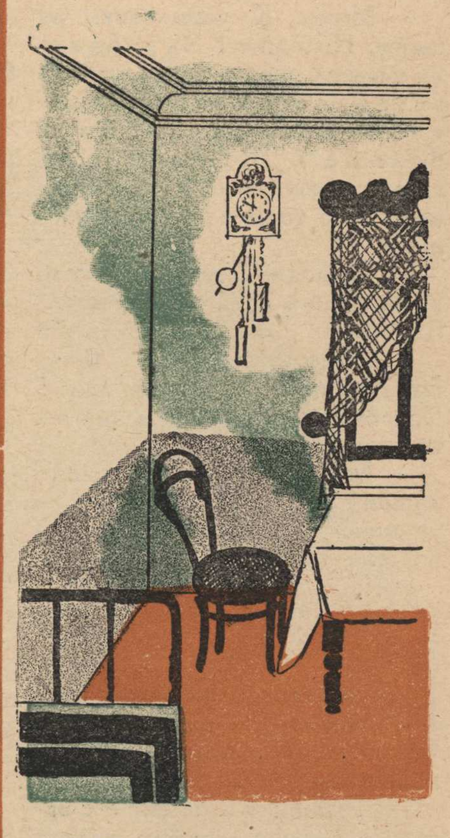
...Мы должны строить дома по типу английских коттеджей, чтобы они утопали в зелени.

Коттедж в зелени.

II

... В домах новой стройки от сырости на внутренних стенах появилась зелень.

Зелень в коттедже.

ЛЬГОТЫ ПИСАТЕЛЯМ

Большинство писателей, путешествующих по Европе, ограничиваются в своих путевых впечатлениях только описанием кабаков. Для того, чтобы внести некоторое облегчение в писательский труд, мы предлагаем ГИЗ'у просто выпустить „путеводитель по западным ресторанам", что даст возможность отдохнуть творчеству наших маститых путешественников.

МЫ НЕ ОТВЕЧАЕМ!!!

Мы не отвечаем за содержание кино-картин, если не будет хороших сценариев, не отвечаем ни за кого из классиков, если им будут переламывать спинные хребты на сцене, не отвечаем за строительный сезон, если не озаботились о строительном материале, не отвечаем за здоровье тех, кто не может заплатить 500 рублей за дачу и проторчит лето в городе, не отвечаем на приветствие по случаю 7-летнего юбилея беллетриста Фунькина из Алатыря, потому что Госиздат не успел еще выпустить полного собрания его сочинений. Мы не отвечаем!!!

„Как предохранить себя от землетрясения".

Новый сборник советов к предстоящему летнему сезону. Чертежи подземных толчков. Земля в разрезе. Планы спешного от'езда. Портреты виновников землетрясений. 282 стр. 1 р. 75 к.

КУЛЬТУРА И ПОПУГАЙ

Маститый попугай, гордясь пером лазурным,
В семействе птиц считал себя культурным,
За то, что похвалы и прочее сдав в брак,
По всяким поводам кричал одно: — Дурррак!..

Мнит масса критиков себя в культурном званьи
На том же самом основаньи.

М. А.

ИЗЫСКАННАЯ МОДА

Не идя по пути модных салонов и фантазирующих портных, только усложняющих жизнь нелепыми сезонными выдумками,

МОСКВОШВЕЙ

сразу примирил всех, создав собственную, не без оригинальных замыслов, моду для Москвичей.

По словам, полной безысходной грусти, „Рабочей Москвы“, с наступлением летнего сезона:

> *одновременно с летними пальто в магазинах ощущается недостаток в летних парусиновых брюках, рубашках и толстовках. Напомним, что такая же история наблюдалась и в прошлом году. Вспомним и то, что к концу лета белых брюк в магазинах появилось более чем достаточно. Очевидно, так будет и в этом году.*

Поскольку мы понимаем план Москвошвея, для москвичей устанавливается следующая мода на каждый из сезонов.

ЛЕТНИЙ СЕЗОН:

Изящный полушубок на козьем меху, соломенная желтая шляпа, трусики малинового цвета, высокие коричневые боты, придающие солидность походке, а также вязаные теплые перчатки для купанья.

ЗИМНИЙ СЕЗОН:

Легкий зеленоватый дождевик должен быть под цвет папахе; белые брюки небрежно ниспадают на желтые сандалии в глубоких калошах. Открытая рубашка фантази, не скрывая легких очертаний шеи, повязана коричневой шалью, сверх которой грациозно спадает вниз голубой в желтую полоску галстук.

ОСЕННИЙ и ВЕСЕННИЙ СЕЗОН:

Голубое трико под енотовой шубой, перепоясанной спасательным поясом, большой черный зонт и бычьи пузыри под мышкой. Портфель — в простыне, на голове цилиндр, украшенный еловыми веточками.

Все это просто, изящно, недорого, своевременно и ласкает глаз нетребовательного гражданина.

Б.

МЕБЕЛЬ

Художник Рюмин получил первую премию на конкурсе: „Проект мебели для рабочего жилища“. Его мебель была признана наиболее совершенной, изящной, удобной и красивой. Премия была солидная: две тысячи.

Узнав о премии, жена Рюмина воскликнула с восторгом:

— Теперь можно будет осуществить мою давнишнюю мечту: мы приобретем настоящую обстановку вместо этой жалкой утвари.

— Отлично! — ответил Рюмин. — Мы закажем лучше на фабрике мебель по моему конкурсному проекту. Она во всех отношениях современнее и лучше готовых гарнитуров.

С этими словами он ушел. На фабрике он пробыл недолго. А когда вернулся, лицо его было сумрачным.

— Неужели отказались? — испугалась жена.

— Наоборот, согласились! Но только где же взять эту тысячу?

— Какую?

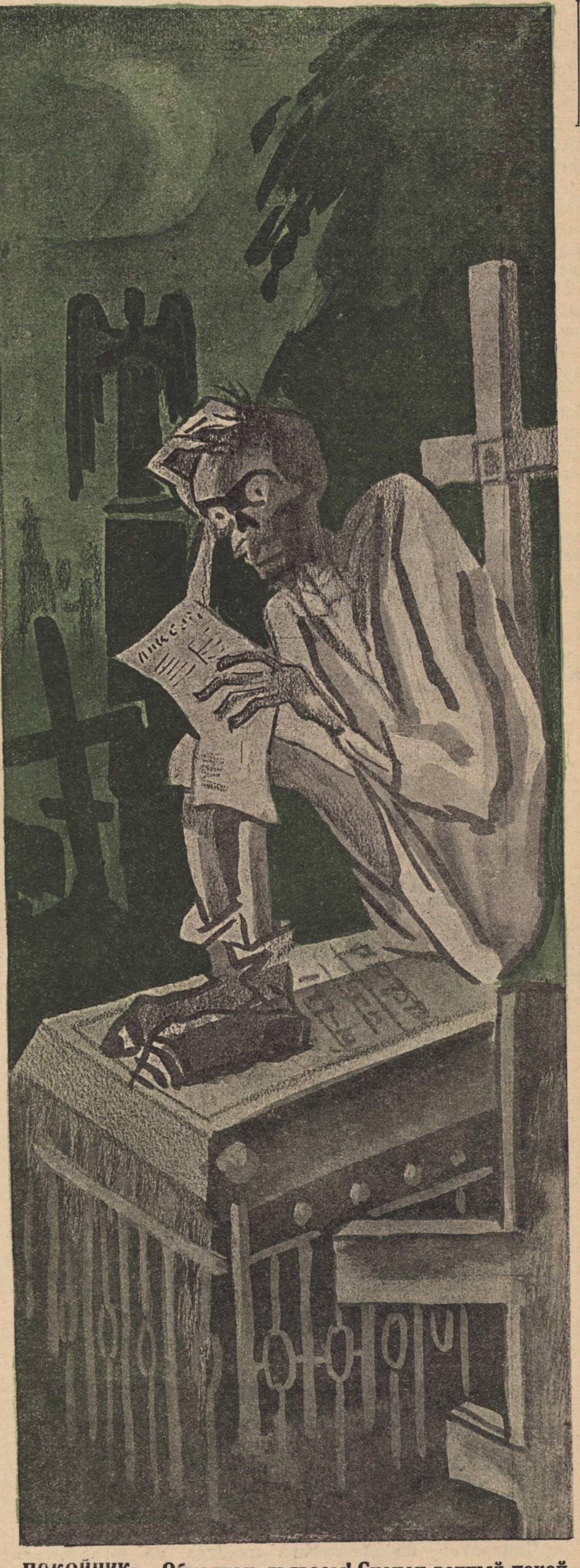
— Третью! Ведь, оказывается, что сделать по моему замечательному проекту „мебель для рабочего жилища“ обойдется ровно в три тысячи...

М. К-ий

ВОЙНА ПРАХУ

Рис. А. Радакова

В Москве ежегодно происходит перерегистрация могил.

ПОКОЙНИК: — Обманули, дьяволы! Сулили вечный покой, а между прочим — ежегодно перерегистрация!..

РЕЦЕПТ СЛАВЫ

Его притащили в субботу расторопные, милые, вездесущие парни, из тех, что часами околачиваются во всех сразу редакциях, сообщая желающим на ухо дежурный анекдот, и без устали курят, занимая папиросы у всех проходящих знакомых и полузнакомых, ибо вовсе незнакомых у них принципиально нет.

— Ну, вот вам и знаменитый Клюшкин, — торжественно заявили милые парни, выдвигая вперед неуклюжего молодца с разноцветными глазами и вихрами.

Переглянувшиеся хозяева сделали добрые лица и сказали, как надо:

— Ах, пожалуйста! Милости просим...

— Клюшкин — Клюшкин — Клюш — Клюш — бормотал разноцветный незнакомец и совал всем холоднющую, скользкую, как лягушечье брюхо, руку.

— Радехоньки, небось! — подмигнул хозяину парень в свитре поверх старой жакетки. — Самого старика Клюшкина вам затащили! Папиросочку мне за это-с!

— Папироску, пожалуйста. Но, простите... Я, конечно, отстал... а он, собственно, кто же будет?

— Кто — кто?!

— Да вот... этот Плюшкин?

— К! К! Клю-ш-кин. Ка! — сурово поправили парни и заахали скопом:

— Нет! Так отстать? Где вы живете? Не слыхали о Клюшкине?! Может, вы и его „Красный Вопль“ не слыхали?

— Каюсь... Служба... Как собака в Москве... и среда засосала, — переконфуженно бормотал хозяин, а один из сметливых парней неодобрительно сказал:

— Ну тогда, кстати уж, о среде. Гоните-ка трешку! До среды.

— Ради бога... Очень рад познакомиться... Буду знать, так сказать... И ценить...

На все просьбы и даже мольбы прочесть хоть кусочек знаменитой поэмы Клюшкин угрюмо качал головой и сопел.

— Не любит он выступать перед мещанами! — подмигнули добрые парни. — Стопроцентный пролетарий. Потомственный слесарь-кузнец.

— Ну, извините-с, — прошептал хозяин, прикладывая ладошкой излишне модный галстук и с тоской поглядывая на свои цветы и гардины, — может, этого... выпить чего-нибудь?

Знаменитый Клюшкин снисходительно и долго пил. И, уходя, даже что-то промычал. Не то „гран мерси“, не то что-то о матери. Чьей — неизвестно.

* * *

В понедельник сразу в двух местах происходили два таких разговора.

Субботний хозяин в кругу сослуживцев рассказывал, как он влип, не узнав знаменитого гостя.

— Гм... — сказал кто-то, — а он, собственно, кто?

— Стыдно, стыдно, граждане! — возмутился хозяин, — не знать Клюшкина? Автора нашумевшего „Красного вопля“? Ах, как вы, господа, отстали!.. Он очень мило держится. Даже за горничную, когда уходил... Что поделаешь, — талант!

— А, ведь, верно! — припомнили сразу все, — действительно!

— Ну да, Клюшкин! Ну, конечно, читали... Как-же... Большущий поэт!.. Надо будет и нам через вас познакомиться...

Второй разговор шел в шумной редакции, где на придавленного гранками, телефонами и авторами секретаря навалились сразу четыре добрых парня в кепках.

— Да, ведь, это талантище! — барабанил один, — его надо понять... Клюшкин, золото! Как это там у тебя? — да-а:

> И он ласкал в тиши завода
> Ее мозолистую грудь!

— Есть мне время с грудями возиться! — ворчал секретарь, косясь одним глазом на рукопись, а другим на угрюмого разноцветного истукана, величаво сидевшего поотдаль.

— Гоните авансом сотнягу.

— Ссссотнягу?! — задохнулся секретарь.

— Да, ведь, это-ж не Пушкин, а Клюшкин!.. Вот ведь он! Сам! Живой! И на стуле! Он-же поэмищу вам завернет, ого-го! Впрочем, можно и тридцать... Ну, двадцать!..

* * *

Через месяц в крикливой афише о „вечере-гала“, между скэтчем „Кинь-Грусть“ и сопрано Сударкиной, в ряду прочих имен, обещавших утешить доверчивых зрителей, красовалось отчетливо:

„Поэт Клюшкин Егор. Пролетарские звуки из его поэмы „Красный Вопль“.

Скэтч, однако-же, затянулся, а сопрано до полночи выло:

— Аби-бидно, эх-да-дассадно!

И до звуков очередь не дошла.

Тем не менее, в трех газетных отчетах имя Клюшкина было упомянуто наряду „с нашими лучшими силами“.

* * *

Никак у вас книжечка вышла? — говорил деловитый парень в свитре изможденному семьей и халтурами критику Кроематову. — Что-ж, прочтем... Посмотрим. Как раз вчера меня в „Голосе зрителя“ просили о чем-нибудь новеньком написать... О вас напишу, да о Клюшкине. Кстати, вот бы и вам, в своем „Голосе потребителя“, о нем два—три слова?!.. Талантище — парень, ей-богу!.. И потом — стопроцентный матрос!

Критик мялся:

— Ммня-а... неудобно... мнямня-а... я еще его и не читал...

— Не чи-та-ли? Его „Красный Вопль“? А газеты читали? А афиши?.. Впрочем, что-ж говорить!.. Конечно, не всякому спецу пролетарские звуки интересны... Тэк—тэк-с... понимаем-с...

Ночью критик, нажравшись таблеток „коффеина — 0,3“ и ячменного кофе, вдохновенно строчил:

„......... и на фоне упадочной, зараженной на все сто процентов урбанизмом, — Есенинщины и Ахматовщины, бодрой нотой трубит „Красный Вопль“ стопроцентного Егора Клюшкина с энергетикой и звонкой фонетикой“...

Остановился, подумал, зачеркнул „Егор“ и поставил — „Георгий“.

* * *

А еще через год „известный поэт Г. В. Клюшкин“ единогласно прошел в председатели вновь возникшего пиитического сообщества.

Завел синий костюм и колеса-очки и брал без отказа авансы.

Расторопные парни крутились в хвосте знаменитости и тоже маленечко приоделись.

Но однажды сердитый и лысый от вечной мигрени редактор сказал парню в жакете:

— Довольно. Ни шиша я вашему чортову Клюшкину больше не дам. Триста монет за ним, а где материал? Где поэмы? И, вообще, я давно хочу хоть-бы раз прочитать, что он там маракует в своем „Вопле“... Притащите мне книжку...

— Чесcное слово... — умоляюще ответил побледневший парень, — ну, вот разчесcное слово, — ни одного экземпляра теперь не найти... Ни в одном магазине...

— Ерунда. Чтоб была! — отрезал редактор.

Но парень был прав.

Книжки с „Воплем“ не нашлось-бы даже и в ГИЗ‘е.

И не теперь. И не раньше.

Она только писалась.

Но, кажется, вовсе не Клюшкиным.

Леонид Саянский

БОГЕМСКОЕ

Рис. А. Гадакова

— Смотрите, — по внешности никогда не догадаешься, что это писатель.

— Ну, а по его рассказам — еще меньше!

Рис. К. Ротова

„ПЕРЕКУЛЬТУРИЛИ!“

На курортный сезон на поездах жел. дорог будут введены вагоны с особыми удобствами для многих категорий больных.

— „Для курящих“?.. Ишь ты, для таких легко больных—тоже специальный вагон завели!

ТОРЖЕСТВЕННЫЕ ПРОВОДЫ

На заводе „Красный гвоздь“ лихорадочно готовились к торжественным проводам. По случаю ухода директора отлили бюст Маркса, весом в три пуда. Выбрали Микиту из чугуно-литейного цеха речь произносить.

— Возьмешь бюст,— говорит ему предзавкома,— и скажешь чего-нибудь позаковыристее.

А тот долбит одно:

— Не управлюсь... И край.

— Смеешься? С твоим языком да не управиться!

— Да нет же... Маркса не вдержу. В ем пуда три, а? Надорвусь, а потом кто за меня с бюллетенем будет по страхкассам тыкаться?.. У меня детишки малые, пожалели-б.

Сжалились. Выбрали одного молотобойца из кузницы. Здоровьем подходящий и на семью не жалуется. Только язык у него поварачивается, как колода. Когда говорит, хоть святых уноси. Думаем, ладно. Главное, чтоб Маркса вдержал...

В клубе народу собралось тьма тьмущая, аж портянки запрели. Президиум собрали. Кругом лозунги понавешали. Все как полагается...

Выходит на трибуну наш молотобоец, а в руках у него марксова голова, которую в обхват не обнимешь. Жилы у него надулись, глаза вылупил, пот ручьями, руки трясутся... Посмотрел сперва на нас, как баран на аптеку. А говорить начал не с того подхода:

— Я как от рабочих... В области кипячения воды, акромя обещания ничего от него не добились. После сокращения пошли... Я сам чуть было под сокращение не того... Не учитывал он положение рабочих, да-а...

Ну и загнул, думаю, ничего, главное, чтоб Маркса вдержал. Ан нет...

Что ни слово, руки у него все более и более трясутся. Голова Маркса тянет его книзу, а он ее руками поддергивает. Так и сгибается вниз, вверх, вниз, вверх... А речь все держит:

— Об рабочих они не думали. Все по автомобилям ездиють. Секретаршу с кудряшками завели...

Правда, не в той плоскости говорит, но ничего, главное чтоб Маркса вдержал и на последок загнул бы чего-нибудь на счет путеводной звезды... А он, мать родная! От секретарши перешел к родственникам, которых директор поустраивал у нас в заводской конторе, посля говорит,— без доклада к нему носа не просунешь...

От натуги сам уж посинел. Согнулся от груза, а выравняться не может. Видит он, что ему Маркса не вдержать, потихоньку да полегоньку начал подкрадываться к столу президиума. И хвать Маркса на стол.

Тут уж подоспел директор Степан Ксандрович. Сам он тощий. Пенснэ у него на переносице запрыгали. Ничего, улыбается...

— Принимая от вас сей скромный дар, я хотел бы...

А как принял сей дар, ей ей думал, что опупеет. Ежели наш молотобоец не вдержал, то где ж ему с пенснэ? Голова Маркса его сразу потянула к полу, а он ее коленом подпихивает. Так и застыл на одной ноге, как цапля.

В первом ряду сидел Володька из мартена. Не голос у него, а громкоговоритель. Вот и гаркнул:

—Эх, Степан Ксандрыч. Хошь бы у тебя така голова была б. Не жалко было бы преподносить...

Проводили. Что и говорить, торжественно...

Павел Лин

ФАКТ ИЛИ НЕ ФАКТ?

Как бы ни мала была 25-рублевая стипендия студента-рабфаковца, но и при ней можно правильно регулировать бюджет—не голодать после первых „радостных дней получки“.

Тов. Кондратьев на собрании ВУЗ'ов.

У рабфаковки, у Зои,
Щеки свежи, как левкои,
Губы сочны, словно вишни.
(Комментарии излишни!)
Факт!

Ясно, что для губ ей надо
Эта... как ее? Помада.
И, какой же тут вопрос?—
Пудра, чтобы пудрить нос.
Факт?

Ногти есть? Конечно...
Баста!
Для ногтей... такая... паста
И в витринах—ах, грехи!—
Как их там зовут?... духи.
Факт!

А сегодня (вот так штучка!)
В 25 рублей получка.
Три рубля... четыре... семь...
Много? Да, пустяк совсем.
Факт?

Завтра ж Зоя зло скучает;
Нет ни сахара, ни чая,
Тридцать дней в еде антракт!!!
Это факт?
Конечно—факт!

Конст. Шелонский

ОСТРЯТ

Наступившее лето и отпускное время сильно повлияли на продукцию остряков: ответов на последние „Смехачины" пришло потрясающее количество.

Перед выдачей очередных премий вступаем с дежурными остряками в переговоры.

А. Чернущенко из Курска совершенно справедливо и с чисто практической грустью отвечает на вопрос: все ли бумага терпит?

— Ничего подобного. Когда из нее пробуют делать подметки—больше двух дней терпеть не желает.

Ответ Сэма из Свердловска на вопрос: почему ночью все кошки серы?—отличается практичностью...

— Защитный цвет от мясников и колбасников.

С точки зрения чистой справедливости нельзя не признать фактически правильным ответ Ам. (ст. Сновская) на вопрос: почему вы не кричите, когда другим рвут зубы?—Ам. совершенно резонно отвечает:

— Не только я кричу, а и все кричат, если дантист начинает рвать зубы вне очереди.

Нельзя не назвать правильным по существу и ответ А. Мирошниченко из Киева на вопрос о том: куда можно входить без доклада? А. Мирошниченко (браво, куме Мирошниченко!) довольно ехидно отвечает.

— В кабинет бюрократа, только-что вышедшего из-под „Каленого пера" в „Правде".

Остальные остряки из очередного присыла не поддерживают темпа, взятого их предыдущими товарищами.

Некоторые острят так, что сразу разочаруешься в жизни, начинаешь понимать всю тщетность существования и нежно тосковать об уюте крематория.

На вопрос: почему управдома никогда нет дома? — жуткий пессимист З. Р. из Самары отвечает:

— Он умер!

В эту неразгаданную ассоциацию остряков-меланхоликов вступает и Р. Д. из Костромы, поражая искрометной неожиданностью ответа на вопрос о том, к кому можно входить без доклада:

— К мине в серце.

И, наконец, заслуживает тихого изумления и преклонения пред неожиданностями работы мозговых извилин ответ А. М. Б. на вопрос: кто был первый курортник.

— Дядя Евгения Онегина. Он опасно занемог, а Евгений приехал в деревню с Ленским.

В следующем номере будет дан список премированных авторов ответов на „СМЕХАЧИНУ".

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА

Упаковщица Тина в воскресенье — картина:
Приоденется с форсом, все ребята глазей!..
И с экскурсией вместе (есть такие при тресте)
Выезжает трамваем в подмосковный музей.
Перед взорами Тины — все картины, картины...
Айвазовского — море. Темный шишкинский бор...
Левитана — поляна протянулась пространно,
И поникла березка, увенчав косогор.
Путешествовать Тине — от эскиза и картине...
„Пред" отправился к морю... „Зам" в дом отдыха в Бор...
„Зав" в деревню куда-то... „Пом" снял дачу у брата...
Нет путевок для Тины!.. Вот и весь разговор!..

М. Андриевская

ПОРА ПЕРЕСМОТРЕТЬ ПОСЛОВИЦЫ!

И прежде всего пересмотреть самую распространенную из них:

За морем телушка-полушка, да рубль перевозу.

Оказывается, что если телушка обходится, вместо полушки, в рубль из-за перевоза, то обыкновенная лошадь в Саратовской губернии и без перевоза может вскочить в довольно солидную полушку:

„Животноводсоюз" прислал в Саратовскую губ. 296 лошадей, — рассказывает „Правда",— закупленных в Сибири. Что купил — не видел, как продать — не знал. Лошади оказались мелкими и больными всеми болезнями, вплоть до чесотки. В Саратове лошадей „калькулировали" две недели, и лошади проели стоимость 20 лошадей. Каждая лошадь обошлась „Животноводсоюзу" в 200 руб., а крестьянина пришлось упрашивать взять лошадь за 150 рублей, да и то в кредит.

Следует еще раз после этого подтвердить правильность старой персидской пословицы, абсолютно не подлежащей изменению:

„Не заставляй осла ухаживать за конем: будет скверно и тому и другому".

СМЕХАЧИНА № 13

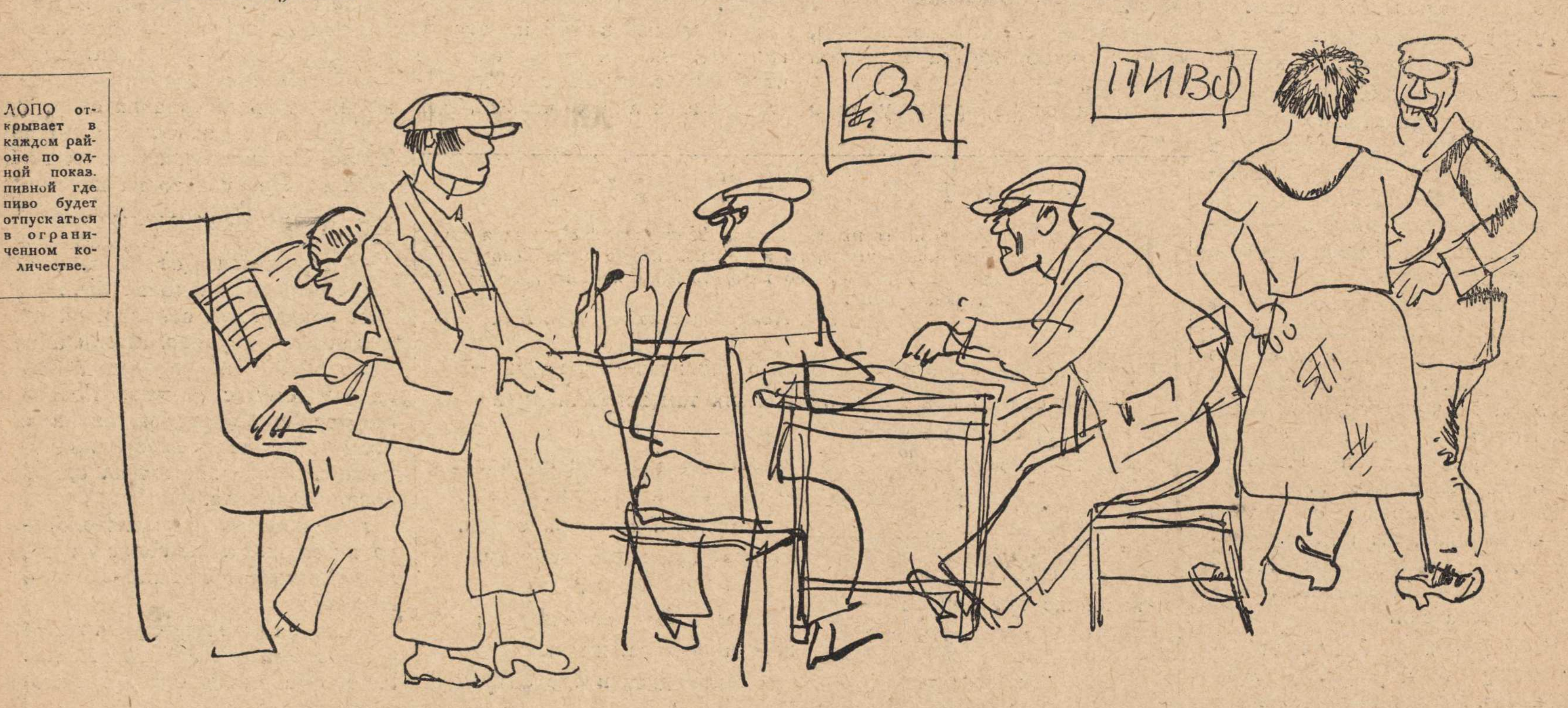
1. **У кого семь пятниц в неделе?**
2. **Кто заботится о прошлогоднем снеге?**
3. **Кто и когда, кроме Фамусова, сказал: „Подписано и с плеч долой"?**
4. **Кто сказал: Надоело?**
5. **Бритва не беспокоит?**

Лучшие ответы будут опубликованы.

Рис. К. Рудакова

У ВСЯКОЙ ТЕТКИ—СВОЯ СМЕТКА

ЛОПО открывает в каждом районе по одной показ. пивной где пиво будет отпускаться в ограниченном количестве.

ОФИЦИАНТ:—Извиняюсь, гражданин. Больше двух бутылок пива на одного посетителя я подать не могу. Вы пересядьте за соседний столик — там другой официант служит. Всего-то в смене на шесть человек,— дюжинку показательно и выкушаете!

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

Наш талантливый сотрудник Маллори предпослал одному из своих последних фельетонов, напечатанному в московской газете, следующий эпиграф:

Гарун бежал быстрее лани,
Быстрей, чем сокол от орла.

А. Пушкин.

1) Соколу бежать (особенно — от орла!) нечего, он в этом случае и полетать может.

2) На самом деле от орла во все лопатки бежал — заяц.

и 3) приведенные выше строки принадлежат не Пушкину, а Лермонтову.

Две ошибки в трех строчках!

Это легко может случиться только тогда, когда перо фельетониста бежит по бумаге „быстрее лани, быстрей, чем заяц от орла...“

★

В № 14 „Красной Панорамы“ Мих. Голодный писал:

Не долог, не долог
Привал боевой.
Тоскуют во сне полустанки
Грянем над миром песней живой!
Брякнем о земь шарманку!..

Очевидно, призыв поэта не увенчался успехом, так как в последней книжке „Нового Мира“, за подписью того же Мих. Голодного напечатано:

Романтики! Недолог привал боевой.
Тоскуют во сне полустанки.
Грянем над миром песней живой,
Брякнем о земь шарманки...

Надо скорее брякнуть о земь шарманку,— не то стихотворение „Романтикам“ Мих. Голодного будет появляться в наших журналах перманентно...

★

★

В журнале „Дружные Ребята“ (№ 8) помещена „Песня о железном мерине“ А. Сергеевой.

Обращаясь к трактору, автор „Песни“ говорит:

Я б тебе конюшню
Чистую завел,
Ты на ней послушно
Ночку бы провел.

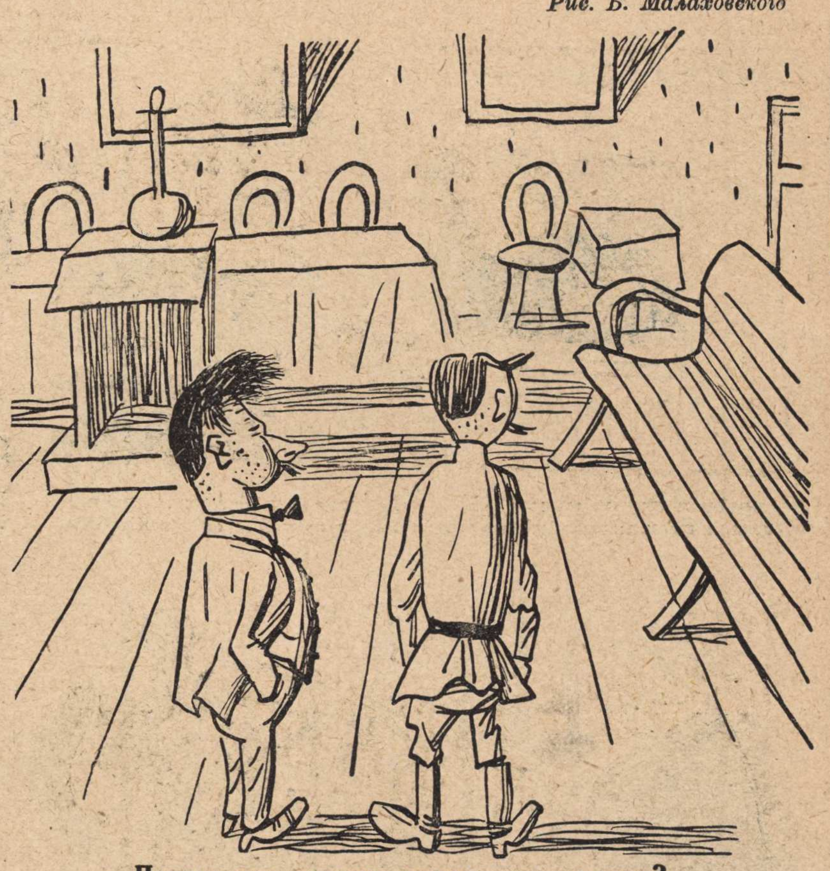
На что трактору конюшня?

Вопреки пословице „Из песни слов не выкинешь“, мы, на месте редактора, все таки выкинули бы приведенные выше слова из „Песни“...

ПОЛЕЗНАЯ ПРЕДУСМОТРИТЕЛЬНОСТЬ

Рис. Б. Малаховского

Коллегия наркомюста постановила предупредить судей волокитчиков о том, что они сами будут привлекаться к суду.

— Почему это скамья подсудимых новая?
— А это судья для себя, видно, старается!

40 ЧЕЛОВЕК И 8 ЛОШАДЕЙ

РИМСКИЕ ОГУРЦЫ

ПЕРВЫЙ ГОСЦИРК
ПОСЛЕДНЯЯ НЕДЕЛЯ
СПЛОШНЫЕ АНШЛАГИ. **120.000 ЗРИТЕЛЕЙ ЕЖЕДНЕВНО.**
ПЕРВЫЙ РАЗ В СССР.
ГРАНДИОЗНОЕ ЗРЕЛИЩЕ „ЦИРК ПОД ВОДОЙ“.
50.000 ВЕДЕР ВОДЫ.

Такое об'явление московского цирка напечатано в „Известиях“ № 125 (№№ 124, 126 и др. тож).

Действительно, впечатление грандиозное! Помилуйте, 50.000 ведер воды на сцене и 120.000 зрителей,— не более, не менее, — 120.000 зрителей ежедневно в цирке! Вот здорово! Жилплощадь-то какая у нашего цирка. Все небоскребы Нью-Йорка не смогут вместить такое количество публики!

Очевидно, „по ходу действия“, водой заливается не только вся арена цирка, но и еще кой-что...

Например, Фонтанка...

Но все же, памятуя известную басню Крылова, авторам цирковой фантазии не следует перебегать по мосту, перекинутому ими через 50.000 ведер воды.

ЕЩЕ О ПОКОЙНИКАХ

Сагиянский сельсовет (Шемахинского уезда) раздает такие мандатики... покойникам:

Дано сие покойнику Шабанову Григорию в том, что на его иждивении находятся: жена Маргарита 25 лет, брат Сумбат 10 лет, дочь Анна 6 лет, дочь Эличка 3-х лет, дочь Соня 1-го года, что подписью и приложением печати удостоверяю.

Председатель сельсовета С. ЧОПЧИЯНЦ.

Нам не совсем ясно, проживают ли иждивенцы покойника Шабанова на одной с ним площади и если да, то удовлетворяет ли эта площадь установленной для семейных покойников жилищной норме?

Интересно было бы также выяснить, каким трудом занимается означенный выше покойник и какие у него средства существования под надгробным камнем?

Просим Сагиянский сельсовет вызвать покойника Шабанова к себе для дачи соответствующих об'яснений...

ВСЕХ ТАЩИТЬ И НЕ ПУЩАТЬ!

Директор треста Моссредпром Карнаухов отдал следующий приказ за № 4 по Госзаводу „Весов и приборов треста“:

1) Доступ на завод для проживающих на территории завода устанавливается с семи часов до десяти часов вечера.

2) Прекратить вовсе доступ на территорию завода для посторонних лиц, направляющихся к проживающим на заводе.

3) Проживающим на заводе лицам запретить хождение на территории завода в какое бы то ни было время.

Не проще ли было бы тресту Моссредпром переименовать свой завод в ...дом заключения со строгой изоляцией?

Но... что тогда станет делать директор Карнаухов, автор этого жуткого приказа?

Ему-то за что строгая изоляция?

Издатель — „ГУДОК“. Адрес редакции — Москва, Тверская 28. Отв. редактор — **И. Н. Пирогов.**
Главлит № 15.161. Отпеч. в 7-й типографии «Искра Революции» Мосполиграфа. Москва, Арбат, Филипповский, 13. Тираж 100.000.

Рис. А. Радакова

В ЗООЛОГИЧЕСКОМ САДУ

Текст Зубило

О, призрак скуки, не маячь!
Веселый смех каскадом ринется:

Широколицый наш „Смехач"
Зовет гостей к себе в зверинец.

Уж зверь—так зверь в зверинце том!
Уж тигр—так тигр! Не слон—слонище!

Двуногим мы пугнем зверьем—
Зверей всамделишных почище!

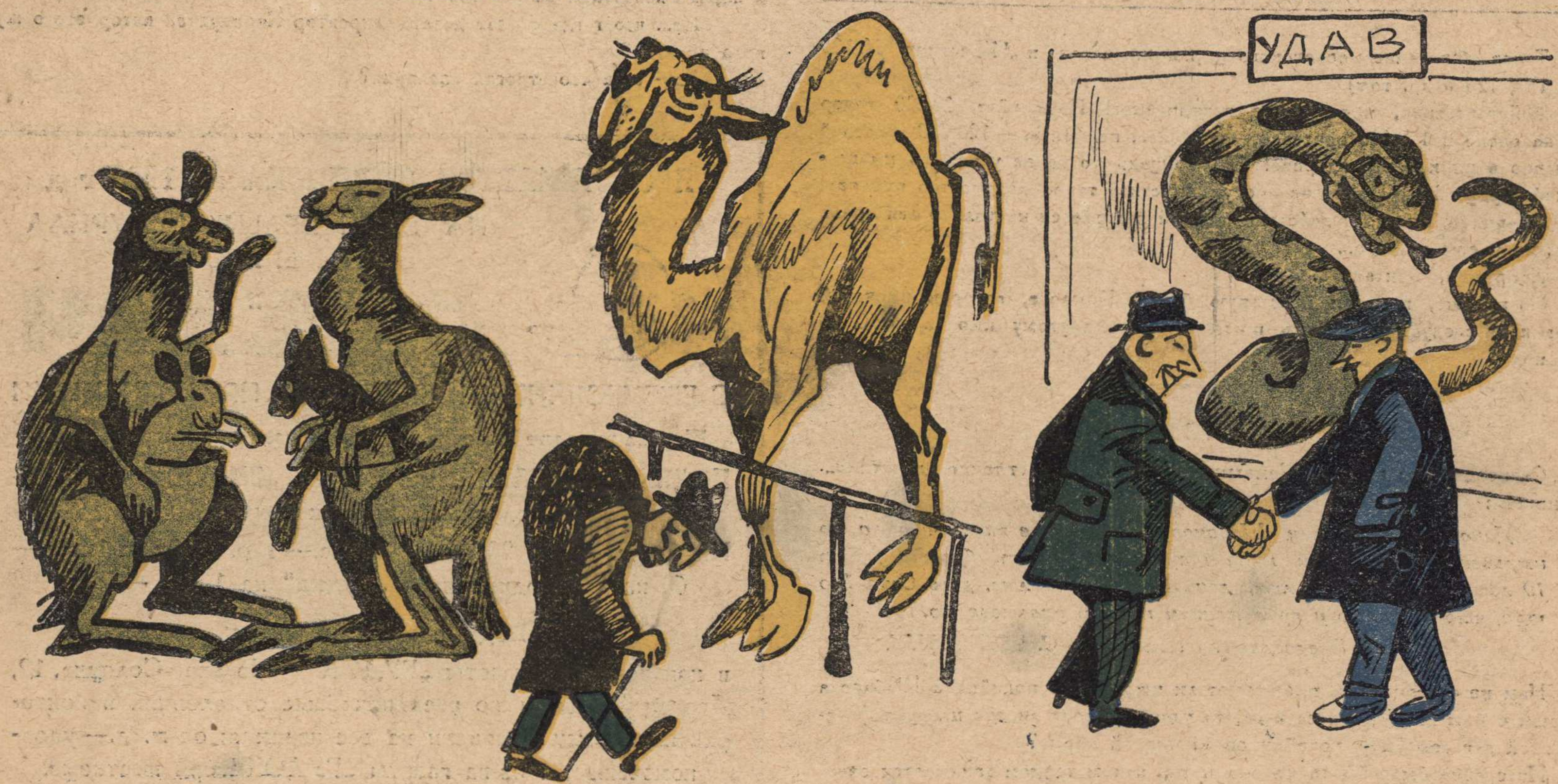

Стоит папаша возле клетки,
На обезьян уставив взор:
— Ужели это наши предки?
Какой позор! Какой позор!

Папашин крик был зол и громок,
Но обезьян был громче хор:
— Ужели это наш потомок?
Какой позор! Какой позор!

Июнь цветет. - Дыши и нюхай!
Шли два приятеля под мухой.
Среди травы и прочих лон
Стоял, покачиваясь, слон.

И два дружка с дрожаньем в теле
Глядят, глядят со всех сторон:
— Как знать, сей слон—на самом деле,
Или—из мухи вырос слон?

Тут в удивлении утонешь,
Начав сие воспринимать!
Мешок. В мешке сидит детеныш
Доволен сын. Довольна мать.

Мудра природа. Это ясно.
В природе мир. В природе лад.
С собой мамаша носит ясли
Для целой дюжины ребят.

„Мудра природа"—мы сказали.
Притом сказали неспроста.
Но, скажем, вникнувши в детали,
Что кривобока мудрость та!

Картина в этаком вот роде
(Ее, не злобствуя, прими!)
Свидетельствует, что в природе
Есть много злости, чорт возьми!

Морали дань свою отдав,
Займемся мы картинкой едкой,
Остановившись перед клеткой,
Где помещается удав...

Два друга здесь восторги льют
Их уши хлопают, как пробки!
— Он пресмыкается.. но лют,
Мы пресмыкаемся.. но робки!